

М.В. Рубцова, А.Г. Санина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР УПРАВЛЯЕМОСТИ СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ

В статье рассматриваются теоретически и практически обусловленные противоречия понятий «государственная идентичность», «национальная идентичность» и «гражданская идентичность». Обосновывается вывод о предпочтительности понятия «гражданско-государственная идентичность» для характеристики процессов идентификации индивида с «социальным целым» в «индивидуализированном обществе». Анализируются традиционные и новые управленческие практики актуализации управляемости обществом постмодерна.

Ключевые слова: *государственная идентичность, гражданская идентичность, социальное управление, управляемость.*

Key words: *state identity, national identity, civic identity, social control, controllability.*

В последнее время тема формирования гражданской и государственной идентичности в российском обществе приобретает особую значимость. Вопрос о содержании этих понятий и о путях выработки и укрепления общих для государства и общества смыслов определяет поле публичной дискуссии: понятие «идентичность» используется в научной литературе, политических заявлениях, сообщениях средств массовой информации, повседневном дискурсе.

Для отечественной научной традиции понятие гражданской идентичности является относительно новым: до 1990-х гг. оно включалось в рамки концепта «этнического / национального самосознания», характеризующего прежде всего принадлежность индивида к этнической общности на основе разделяемых представлений об общей территории,

языке, культуре, истории и государственности, а также этнических ценностей, интересов. Данная трактовка используется представителями примордиалистского направления (Ю.В. Бромлеем, Л.Н. Гумилевым), информационной теории этничности (С.А. Арутюновым, Н.Н. Чебоксаровым), конструктивистского направления исследования этнического самосознания (В.А. Тишковым), а также сторонниками мультипарадигмального подхода к изучению феномена национальной идентичности (Ю.В. Арутюняном, Л.М. Дробижевой, А.А. Сусоколовым).

Вместе с включением в российский научный дискурс западных теорий наций и национализма (в частности, концепций Э. Эриксона, Дж.Г. Мида, Г.Тэжфела, Дж. Тернера) в отечественных исследовательских работах все большее распространение получают термины «этническая идентичность» и «национальная идентичность», которые в связи с акцентом на анализе системообразующих и структурно-конституирующих практик этнической группы или сообщества более релевантны социологической и социально-психологической исследовательским парадигмам. Идентичность в данном контексте — это не только идентификация людей с соответствующей общностью, но и представления об этом объединении («образ мы» включает конструкты себя и других), а также о характеристиках данной группы: культурных, религиозных, лингвистических, территориальных, исторических и т. д. Чем больше в общности число разделяющих единую идентичность, тем выше вероятность совместных действий в ее интересах.

Понятие «гражданство» также объединяет сложную совокупность значений, в которую входит определение правового и социального статуса индивида, признаки его политической и государственной идентичности, фокусировка культурной и политической лояльности, требование исполнения нормативно и морально определенных требований (долга), а также мера ожидаемого («правильного») поведения в обществе (Heater 1990: 163). Гражданство — это отношение между индивидами и государством, и именно на государство в социально-политических и социально-правовых концепциях возлагается ответственность за развитие у индивидов качеств «гражданственности», за формирование гражданской идентичности. Так, Т.Х. Маршалл подчеркивает, что гражданство — это не образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека; это то, что приходит к нему извне (Marshall 1964: 70): с этой точки зрения он определяет гражданство как статус, которым индивид наделен как член политического сообщества и который предполагает наличие у них определенного набора прав, признанных в данном обществе «нормальными».

Государственная идентичность является фактором консолидации вокруг интересов страны, поэтому степень ее укорененности в сознании

и действиях граждан — залог политической, духовной консолидации, единства общества. Именно этот аспект выделяется в публичных выступлениях российских государственных деятелей, а также в большинстве отечественных научно-исследовательских работ, посвященных данной теме. Наиболее показательным примером здесь являются выступления Президента — ежегодные Послания Федеральному собранию, обращения к народу, в которых содержится комплекс идей об основах российской гражданской идентичности. Это идеи сильного государства, необходимости современной армии и флота, возрождения России как великой державы и завоевания ею достойного положения в современном мире, гордости за великое прошлое страны, российского патриотизма, мультинациональных и многоконфессиональных характеристик российского государства и др. При этом отсутствие концептуально разработанной, теоретически оправданной и систематизированной государственной идеологии, национальной идеи, придающей общий смысл и содержание российской идентичности, рассматривается как серьезное препятствие прогрессивному развитию общества и государства.

Как подчеркивает Б.Г. Капустин, гражданство «создается» посредством абстрагирования определения гражданина от целого ряда партикулярных определенностей человека, обусловленных его принадлежностью к социальным группам, возникшим по признакам соседства, вероисповедания, профессии, генеалогии, пола, цвета кожи, уровня дохода и т. п. (Капустин 2011: 67–68). При этом в «классическом» варианте трактовки понятия для гражданства неизменно характерен императив «служения»: так, с точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, гражданин — это человек, который «работает для всеобщего, имеет последнее своей целью и служит общему благу» (Гегель 1970: 360).

Однако процессы последних десятилетий, формирующие в своей совокупности «современное общество», изменяют традиционные характеристики гражданства и логики формирования гражданской идентичности. Эти процессы получили в научной литературе особый маркер — «вызовы / риски глобализации». Наиболее значимыми из этих «вызовов» являются:

- распространение глобальной конкуренции (конкуренция на глобальных рынках);
- кризис «Welfare State»;
- формирование социальных, экологических, технологических рисков;
- рост миграционных потоков;
- расширение явления маргинализации в обществе;
- информатизация и компьютеризация, принципиально меняющие формат социального взаимодействия индивидов и социальных групп;

- вестернизация и «макдональдизация», обостряющие глобализационные и локализационные процессы;
- бурный рост индивидуалистских и утилитаристских ориентаций в культуре современного человека, его замыкание в сфере частной жизни в ущерб общественным делам.

Сегодня возможность свободно передвигаться как в физическом, так и социальном и виртуальном пространствах, преодолевая географические и культурные границы, изменила практики «выбора» человеком самого себя и своего отношения к событиям, процессам и институтам. Как отмечает У. Бек, скорость, с которой современный человек переопределяет себя, связана с увеличением неопределенности социальной реальности, усилением роли случайностей и рисков в жизни человека, непредсказуемостью будущего. Процесс обретения собственной идентичности, предполагающей переживание человеком целостности своего «я», превращается в этой связи в самопроектирование — «экспериментальную ситуацию» с неопределенным исходом. Идентичность не устанавливается ни традицией, ни местом проживания или рождения, а формируется, выбирается человеком в процессе собственной жизни (Beck 2006).

Информатизация общества поместила каждого отдельно взятого индивида в центр коммуникативного пространства, основанного на глобальных поводах взаимодействия, влияющих на развитие идей, норм, ценностей, моделей поведения. Государственные институты и государство испытывают все более отчетливые и сильные вызовы со стороны международных мигрантов, средств массовой информации и, конечно, сети Интернет. Все эти тенденции приводят к резкому снижению основных показателей, которыми измеряются качества «гражданина»: осведомленность о политике, интерес к государству, готовность принимать участие в «общих делах», ответственность за то, что происходит в стране и т. д. Гражданская идентичность перестает быть постоянным, непрерывным качеством личности и приобретает дискретный характер. Э. Лаклау (Laclau 1996: 47–65) характеризует такую ситуацию как ситуацию «смещения», разворачивающуюся в логике «чрезвычайных положений»: известно, что потребность в самоидентификации актуализируется в периоды перестройки социальных отношений, разрушения прежней и формирования новой идеологии, нестабильности внутренней и внешней политики. З. Бауман отмечает, что обсуждение проблемы идентичности «может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» (Бауман 2002: 176–177).

Тем не менее, актуальность развития процессов идентификации современного индивида с государством не подлежит сомнению. Хотя

в обществе постмодерна человек и стремится к автономности, анонимности (Luckmann 1979) и индивидуализму, его потребность в идентификации с социальным целым все же остается. Идентичность, позволяющая реализовать ту форму восприятия общности с другими людьми, которая, с одной стороны, обладает довольно четкими характеристиками границ и различий «они — мы», а с другой, не отрицая других идентичностей, дает индивиду «свободу индивидуализма», необходима в современном мире, и поддерживаться она может и должна именно в рамках государства. Этот факт подчеркивается все более интенсивным использованием в отечественной науке понятия «государственная идентичность», которое хоть и рассматривается зачастую как синоним идентичности национальной, но в то же время переносит акцент с идеи культурной унификации на идею единых границ, территориальных и символических. Государство при этом трактуется уже не как система институтов, выполняющих функции принуждения, а как когнитивно и эмоционально близкое индивиду социальное целое (данная позиция выражается в употреблении синонимичных слов — «страна», «родина»). Это сближает научную и повседневную трактовку понятия, делая его более прозрачным и удобным для понимания и оценки.

В философии права соперничают две противоположные интерпретации активного гражданства. В либеральной традиции естественного права, берущей начало в политическом учении Локка, сформировалось индивидуалистическое инструменталистское понимание роли гражданина. В нем гражданство понимается по образцу членства в какой-либо организации, которое обосновывает правовое положение гражданина. Сам гражданин остается внешним государству, он вносит определенный вклад в его жизнедеятельность своим голосом на выборах, налоговыми выплатами, использованием результатов организационной деятельности государства.

Второе направление — коммунитаристское и этическое — сформировалось в республиканской традиции учения о государстве, использующей Аристотеля. В нем гражданство понимается как принадлежность к самоопределяющемуся этически-культурному сообществу. Граждане интегрированы в политическое сообщество как части в целое так, что они могут сформировать свою личностную и социальную идентичность только в горизонте общих традиций и признанных политических институтов. Таким образом, согласно республиканской интерпретации, гражданство актуализирует себя только в коллективной практике самоопределения (Хабермас 1995: 219).

Либеральная модель в центр внимания помещает прежде всего индивидуальные права и принцип равенства перед законом, а также осуществление практики управления, которая учитывает предпочтения

граждан. Именно индивидуальные права и равенство перед законом должны быть гарантированы. Способность быть гражданином состоит в способности актуализировать эти права и добиваться соблюдения принципа равенства перед законом, а также оказывать влияние на лиц, принимающих решения. Это означает, что сами политические институты имеют совершенно инструментальное значение. Участием в политическом управлении не придается первостепенной ценности.

Республиканская модель, напротив, определяет участие в управлении и самоуправлении как сущность свободы, как часть того, что должно быть гарантировано. Это и есть основа способности быть гражданином. Управлять и быть, в свою очередь, управляемым — это значит, что по крайней мере некоторое время, правителями можем быть «мы», а не только «они» (Там же: 220).

Республиканская концепция, идущая от Аристотеля, наиболее четко акцентирует внимание на том, что:

- 1) все граждане обязаны быть субъектами управления;
- 2) статус управляющего и управляемого для субъекта управления временен, с течением времени управляющие и управляемые субъекты меняются местами;
- 3) каждый гражданин может стать управляющим субъектом.

Вместе с тем в современном обществе, прежде всего, европейском, получила развитие не республиканская, а либеральная доктрина гражданства, акцентирующая внимание не на участии в управлении, а на естественных правах человека. В таком развитии событий определенную роль сыграли недостатки республиканской доктрины. Модель Аристотеля требует создания сообщества как целостности, в которую без остатка инкорпорированы граждане. Но этому препятствуют два ограничивающих фактора — фактор времени и фактор пространства.

С точки зрения фактора времени, граждане не могут заниматься только управлением. Они должны формировать и поддерживать и другие институты. Их участие в других институтах, конечно, тоже ведет к определенному выбору, который влияет на систему управления. Однако это влияние не прямое, может компенсироваться и нивелироваться различными управленческими инструментами.

С точки зрения фактора пространства, граждан слишком много, чтобы они могли участвовать в управлении одновременно или менять роли управляющих и управляемых в обозримом будущем. Эту проблему ограниченной вместимости политического пространства для прямого управления учитывал Аристотель, когда писал, что идеальный с точки зрения управления полис должен быть средней величины. Одновременное участие в управлении большого количества граждан порождает и проблему согласования множества противоречивых интересов, и проблему

«безбилетника», когда трудно отследить реальный вклад в управление отдельного гражданина.

Несмотря на указанные проблемы, у республиканской концепции гражданства есть одно существенное преимущество перед либеральной моделью, в соответствии с которой индивиды изолированно противостоят государственному аппарату и связаны с ним только функциональными отношениями членства. В республиканской концепции гражданин не просто получает реальный объем управленческих прав и обязанностей, в ней показано, что *управление как таковое — это интeрcубъeктивнo осущeствляeмaя пpактикa*. Никакой отдельный субъект управления — отдельный гражданин, монарх, президент и т. д. — не может осуществить управление. Позиция субъекта управления конституирует себя в сети равных отношений взаимного признания. Управление требует от каждого принятия перспективы участника, участника, стоящего среди множеств других участников, а не просто наблюдателя, ориентированного на личный успех актора, как в чистой либеральной концепции. Воплотить идею управления могут лишь все вместе.

Республиканская модель гражданства напоминает о том, что институты, гарантированные конституцией, лишь в той мере имеют ценность, в какой делают их ценностью субъекты-граждане. Институционализованная правом роль гражданина должна быть вписана в контекст политической культуры. Поэтому коммунитаристы настаивают на том, что гражданин должен «патриотически» идентифицироваться со своей формой жизни. Однако, как отмечает Хабермас, проблема состоит в том, сможет ли патриотизм выжить в условиях маргинализации управления, основанного на принципе участия? (Там же: 221).

От управляемого субъекта требуется патриотизм. Он должен быть хорошим гражданином и патриотом своей страны. Тогда можно будет сказать, что он управляет. Но мы видим, что гражданские условия патриотизма в современном обществе нивелируются. Ю. Хабермас утверждает, что патриотизм — это общая идентификация с историческим сообществом, основанном на определенных ценностях. Это должно быть такое сообщество, фундаментальные ценности которого воплощают принцип свободы, т. к. если речь о простом подчинении — патриотизм не нужен. Для реализации прямого подчинения необходимо лишь наличие прямого насилия. Патриотизм необходим в случае развитого гражданского состояния, которое не может не характеризоваться способностью гражданина быть субъектом управления.

Толерантность была добавлена к необходимым добродетелям современного управляемого субъекта лишь в последнее время. Появление толерантности в политическом дискурсе не случайно. По сути дела, оно означает, что связка «активность-гражданственность-патриотизм»

не реализуется на практике в должной мере. Доктрина гражданского участия и, следовательно, патриотизма ослаблена в силу ослабления интересубъективных основ управления. Появляется большое количество субъектов, у которых нет реального доступа к управлению (ослабление гражданственности и патриотизма) или нет желания иметь этот доступ (ослабление активности, переход в пассивное объектное состояние). Это приводит к утрате управляемости.

Несоответствие реальных тенденций и их теоретического осмысления ведет к возникновению такого феномена, который Дж. Коэн и Э. Арато обозначают как «частный гражданин» («private citizen»). «Частным гражданином» является современный индивид, обнаруживающий полную неспособность занимать активную (деятельностную) гражданскую позицию и не только управлять, но и быть управляемым и при этом свободным (Коэн, Арато 2003: 758).

Предшествующие рассуждения позволяют заключить, что «государственная идентичность» и «гражданская идентичность» в контексте современности описывают, фактически, единое поле социальных и социально-политических процессов, формируя двумерный концепт. С одной стороны, выполняя основную социальную функцию и создавая условия для общественного развития, государство вынуждено, говоря словами Р. Брубейкера, проводить «политику национализации государства» («nationalizing state policy») (Brubaker 2005), направленную на усиление культурной однородности. В общем и целом, создание и поддержание основных элементов идентификации с «единым целым» является способом и условием территориального и институционального выживания государства. Формируя единый национальный рынок, денежную систему, общее пространство языка и законодательства, развивая бюрократические и силовые структуры, организующие и защищающие интересы страны, государство создает нацию. Поддержание идентичности граждан при этом может быть рассмотрено как «институциональный конструктивизм» — процесс использования развитой системы социальных, политических, экономических институтов с целью формирования «единого государства». С другой стороны, вопросы поиска индивидуальной и групповой идентичности — в том числе, идентичности социокультурной, гражданской и политической — затрагивают все общество в целом, хоть и не выступают первичной базовой потребностью для современного индивида. Государство при этом является значимым объектом самоотнесения, логической предпосылкой идентификационной цепочки «дом — поселение — регион — страна», предоставляя индивиду возможность соотнесения себя с социальным целым. В условиях автономности и анонимности эта возможность может остаться потенциальной, так и не актуализировавшись в «индивидуализированном обществе». Одна-

ко само ее наличие обязательно для успешной социализации, поскольку она представляет собой значимый источник символического универсума, регулирующего «конфликт между порядком и хаосом» (Бергер, Лукман 1995). Более того, в мире открытых территориальных и информационных границ государство зачастую становится условным домом для индивида, позволяющим при всей вариативности идентификаций оставаться «собой» (Pease 2003; Lustik, Miodownik 2002; Friedman 2005).

В этом плане государственная идентичность не противостоит гражданской. С нашей точки зрения, их взаимосвязь и взаимозависимость определяется потребностью индивидов в упорядочивании социальной реальности. Гражданство — это категория не только статуса прав, но и практики, связанной с этими правами (Warner 1995). Гражданская идентичность является скорее деятельностным измерением идентичности государственной, сферой реализации и защиты интересов, сопричастности к самоорганизованной жизни (Chandhoke 1995). Более того, исключение гражданской идентичности из государственной, производимое на теоретическом уровне, приводит к тому, что, попадая в контекст социально-политической и управленческой практики, государственная идентичность начинает сводиться только к одному ее компоненту — формированию легитимирующей картины мира, способствующей сохранению и развитию государственных институтов. В абсолютном большинстве случаев для достижения этой цели лидеры государства проповедают идею о том, что государство должно быть «государством нации» и служить ее интересам, а государственная идентичность непременно должна «конструироваться». При этом правящие элиты предполагают, как правило, что они сами являются объектами патриотической лояльности, поскольку именно они сформулировали истинную «волю коллективного» (Brown 2004). Именно поэтому необходимо особо подчеркивать двумерность российской идентичности, ее гражданско-государственный характер.

Ключевым условием самой гражданско-государственной идентичности является наличие альтернативы. Объекты, к которым индивид испытывает лояльность, должны быть уравновешены объектами, к которым индивид мог бы испытывать лояльность (Hirschman 1970: 82). Все общества в человеческой истории были полисубъектными, многие общества были полиэтническими и мультикультуральными, но не всегда мультикультуральность ослабляла управляемость. Когда речь идет о кризисе в силу субъектного, этнического или мультикультурального компонента, на самом деле речь идет о кризисе управления, о том, что не сработала созданная управлением система согласования интересов.

Можно предположить, что гражданское общество не нуждается в толерантности, т. к. оно способно создать политическую культуру гражд-

данского поведения с развитой интерсубъективной системой управления, предполагающей готовность к сотрудничеству, способность идти на компромисс, честное отношение, соблюдение дистанции и разумный учет интересов, которых может быть достаточно для предотвращения или смягчения большинства повседневных управленческих конфликтов.

Толерантность возникает в случае появления фундаментальных расхождений и кризиса гражданского общества. Как пишет Ю. Хабермас, «если имеет место столкновение фундаментальных убеждений, если для политической культуры отсутствует общий язык и не ожидается какого-либо разумного единства, то необходима толерантность, а не только добродетель цивилизованного, гражданственного отношения» (Хабермас 2006: 47). В этом плане толерантность восстанавливает управляемость как возможность диалога и управленческого взаимодействия. Толерантность требует глубинной переустановки субъекта. Он должен отвлечься, отстраниться на время от несогласия ради разрешения противоречий на уровне социального взаимодействия. Следовательно, толерантность — это вынужденная и временная мера. Она не устраняет и не смягчает фундаментальные разногласия, не восстанавливает гражданский мир. Толерантность — это откладывание проблемы на время, за которое должен быть организован поиск ее решения доступными управлению средствами. В управлении нельзя все время эксплуатировать толерантность.

Управляемому субъекту необходим навык толерантности, но одной толерантности недостаточно. Толерантность дополняет активность, гражданственность и патриотизм. Она является способностью субъекта на время восстановить управленческое взаимодействие, что должно сопровождаться поиском путей, обходящих или смягчающих фундаментальные расхождения.

Таким образом, возникает следующее сочетание характеристик потенциальной управляемости субъекта: интерсубъективность → активность → гражданственность → патриотизм → толерантность → управляемость, где управляемость — общее наименование наличия данных характеристик и возможности осуществления их на практике. Развитие глобализационных процессов, связанное с формированием прежде всего нового образа жизни современного индивида, ставит перед научным сообществом и государственными деятелями новые проблемы формирования гражданско-государственной идентичности. Наиболее важными из них, с нашей точки зрения, являются следующие:

— определение «неполитического» содержания феномена гражданско-государственной идентичности, понимание роли социальной памяти, социокультурного опыта и социально-значимого знания в этих процессах;

- определение нового «субъектного пространства» гражданско-государственной идентичности: выявление, кого именно стоит считать «всеми» теми, кто обладает гражданством (Капустин 2011);
- определение нового «жизненного пространства» идентичности: выявление, на какие области жизни распространяются права и обязанности, признаваемые в данном государстве «универсальными», а также характеристика предметного содержания этих прав и обязанностей;
- различение «локальной» и «глобальной» идентичности, поиск закономерностей их трансформации в рамках конкретного государства;
- осознание возможности формирования и поддержки «гражданской картины мира», складывающейся на основе непрерывно воспроизводимой общей деятельности людей, способствующей самоорганизации индивидов, объединенных принадлежностью к одному государству как совокупности «мы», поддерживающих единую систему смыслов, убеждений, представлений о своей стране, о себе как гражданине, действующем на благо себе и государству.

Литература

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Гегель Г.В.Ф.* Йенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
- Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011.
- Козн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003.
- Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Московские лекции и интервью). М.: Академия, 1995.
- Хабермас Ю.* Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции виде-ний мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1.
- Beck U.* The Cosmopolitan Vision. Cambridge, Malden: Polity, 2006.
- Brown D.* The Democratization of National Identity // Henders S. J. (ed.), Democratization and Identity: Regimes and Ethnicity in East and Southeast Asia. Lanham: Rowman and Littlefield, 2004.
- Brubaker R.* National minorities, nationalizing States, and External Homelands in the New Europe // Daedalus. 2005. Vol. 124 (2).
- Chandhoke N.* State and Civil Society — Explorations in Political Theory. New Delhi: Sage, 1995.
- Friedman T.L.* The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005.
- Heater D.* Citizenship: The Civic Ideal in World History, Politics and Education. L.: Longman, 1990.

Hirschman A. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.

Laclau E. Subject of Politics. Politics of the Subject' // Laclau E. Emansipation(s). London: Verso, 1996.

Luckmann T. The Structural Conditions of Religious Consciousness in Modern Societies // Japanese Journal of Religious Studies. 1979. Vol. 6. No 1/2.

Lustik I.S., Miodownik D. The Institutionalization of Identity: Micro Adaptation, Macro Effects, and Collective Consequences // Studies in Comparative International Development. 2002. Vol. 37. No 2.

Marshall T.H. Citizenship and Social Class // Class, Citizenship and Social Development: Essays by T. H. Marshall, Chapter IV. NY: Doubleday & Company Inc., 1964. Pp. 65–122.

Pease D.E. The Global Homeland State: Bush's Biopolitical Settlement // Boundary. 2003. No 2.

Wapner P. Politics Beyond the State: Environmental Activism and World Civic Politics // World Politics. 1995. Vol. 47. No 1.